

8.3.5. «Украинский» Брестский мир. Ультиматум

Ещё в начале января Троцкий из Бреста отправил Ленину письмо, в котором предлагал *при ухудшении ситуации* прекратить переговоры, заявив при этом о том, что Россия аннексионного мира не подписывает, но войну прекращает. Это был один из тех тревожных звоночков, который вынудил Владимира Ильича выйти из состояния некоторой отстранённости и заявить свою позицию предельно чётко.

7 января Ленин, натолкнувшись на серьёзное сопротивление «левых коммунистов», написал тезисы, в которых обосновывал необходимость немедленного принятия мира на продиктованных немцами условиях¹⁹³.

¹⁹³ Суть их сводилась к следующему:

– успех социалистической революции в России обеспечен, «так как почти все рабочие и громадное большинство крестьян на стороне Советов»;

– вместе с тем, «передышка» необходима; лишь она позволит добиться быстрой победы в гражданской войне и приступить к «социалистическим преобразованиям»; при обилии мелкобуржуазных элементов они потребуют продолжительного времени, и, следовательно, необходимо иметь руки развязанными; «передышка» откроет начало реорганизации России, которая в итоге «сделает социализм непобедимым и в России, и во всём мире»;

– в Германии военная партия на момент переговоров победила и «по сути дела уже поставила России ультиматум (со дня на день следует ждать, необходимо ждать и его формального предъявления); и теперь из создавшейся ситуации возможны лишь два выхода: либо принятие всех условий мира, либо революционная война»;

– армия растаяла, оставшаяся её часть представляет собой «больную часть русского государственного организма», которую надо поскорее демобилизовать; в условиях развала армии, наряду с тяжёлым хозяйственным положением война с германским империализмом означала бы гибель социалистической революции;

– вследствие немецкого ультиматума оттягивать подписание мира далее уже невозможно; подписание такого мира «похабного», «архитяжкого» будет компромиссом со стороны Советской власти, явится уступкой во много раз более сильному противнику; «но именно мир, поскольку он изменяет соотношение сил и укрепляет наш союз с большинством крестьянства, облегчит подготовку революционной войны, позволит собраться с силами, организовать сплочённую и проникнутую сознанием необходимости воевать армию... обеспечит стране некоторую передышку в течение которой социалистическое строительство в России окажет более революционизирующее влияние, чем дальнейшее оттягивание дела заключения мира, ведущее к ещё более тяжкому миру, если не к полной катастрофе»;

– «международная социалистическая революция, с которой связаны «все

8 января тезисы были предложены к рассмотрению на совещании «ответственных членов партии», главным образом, делегатов III Всероссийского съезда Советов и подверглись резкой критике. Из 65-ти присутствующих за скорейшее подписание мира высказались лишь 15 человек. Промежуточная группа, поддержавшая оформившуюся ещё в начале января «линию Троцкого», собрала 16 голосов. В большинстве же (32 голоса) оказались сторонники революционной войны. Мотивировка оставалась той же: «Для дела мировой революции, – считали «левые коммунисты», – разгром Советской власти в России будет всё же лучшим исходом, чем *любое соглашение*, любая сделка с германским империализмом».

Для Ленина это явилось тягчайшим поражением. Дело всей его жизни, чудесным образом реализованное, ставилось под удар, и способствовали этому свои же, в немалой степени, выпестованные им партийные кадры. Но Владимир Ильич не сдавался. Совещание было объявлено «не решающим», а вопрос о мире перенесён на заседание ЦК, которое состоялось 11 января в куда более ограниченном составе.

На повестку дня вначале было поставлено предложение Ленина: мир с немцами подписать. Но оно было тут же забаллотировано большинством голосов. За революционную войну голосовало двое, против высказались 11 при одном воздержавшемся. В пользу предложения Троцкого: мира не подписывать, но при этом объявить войну прекращённой и армию демобилизовать¹⁹⁴ высказались 9 человек, против – 7. Такое решение не

наши надежды на окончательную победу социализма», *безусловно, наступит*, но сейчас было бы ошибкой построить всю нашу тактику на попытке определить конкретный срок наступления революции; мир, спасая Советскую Республику, как часть международной революции, тем самым спасает и всю международную революцию».

¹⁹⁴ К знаменитому «ни мира, ни войны, а армию распустить» Лев Давидович постепенно склонился, по всей видимости, чётко осознавая дипломатическую беспомощность советской делегации в Брест-Литовске, вынужденной отстаивать нелепую и вызывающую принятую изначально позицию, ухудшающуюся с каждым днём ситуацию и отсутствие перспектив.

Тем не менее, перед возвращением в Брест Троцкий был настроен весьма оптимистично. 14 января в заключительном слове к своему докладу на III съезде Советов, он говорил: «Мы едем сегодня глубокой ночью в Брест-

устраивало Ленина ни в коей мере, и он внёс новое, прошедшее в конечном итоге предложение: продолжать затягивание переговоров. 12 присутствующих были – за, 1 воздержался.

Эта же директива была позже подтверждена и III съездом Советов. При этом съезд по вопросу о заключении мира представлял Совнаркому «самые широкие полномочия». Таким образом, Троцкий не получил прямого указания подписать мир при получении немецкого ультиматума. Расплывчатое решение ЦК ни к чему руководителя советской делегации не обязывало и привело к тому, что руки у Троцкого оказались развязанными и, по существу, в зависимости от обстоятельств конкретное решение он мог и должен был принимать самостоятельно¹⁹⁵.

Ленин впрочем утверждал, что между ними было достигнуто определённое соглашение. «...между нами было условлено, – говорил Владимир Ильич, выступая с ответным словом на

Литовск в гораздо лучших условиях, чем мы оттуда уезжали. Мы получаем возможность сказать Кюльману, что его милитаристический карантин... недействителен, чему доказательством являются Вена и Будапешт. Мы не встретим также там представителей Рады, так как Центральный исполнительный комитет Советов Украины признал единственными полномочными вести переговоры о мире Совет народных комиссаров. Мы сумеем также опираться на события в Киеве...»

Под «событиями в Киеве» имелось, очевидно, в виду намерение украинских левых эсеров сформировать правительство, которое должно было прекратить военные действия с Советской Россией и, не отказываясь от Рады, признать также и властные полномочия Советов.

¹⁹⁵ Позднее, на VII съезде РКП(б) Троцкий изложил своё видение происшедшего: «...мы должны были заключить мир в ноябре, – говорил он. – Тогда мы могли бы получить от немцев самый лучший мир... Но никто из нас на этой точке зрения не стоял. Все, в том числе и тов. Ленин говорили: «Идите и требуйте от немцев ясности в их формулировках, уличайте их, при первой возможности оборвите переговоры и возвращайтесь назад»... Перед последней поездкой в Брест-Литовск мы всё время обсуждали вопрос о дальнейшей нашей тактике. И только один голос в Центральном Комитете раздавался за то, чтобы немедленно подписать мир: это голос Зиновьева... Он говорил, что оттягиванием мы будем ухудшать условия мира, подписывать его нужно сейчас. Но большинство сказал: «Нет, продолжайте ту же политику агитации, затягивания и т.д.». Однако поставив вопрос о необходимости немедленного подписания мира, Зиновьев уже опоздал. Когда мы приехали в Брест-Литовск в последний раз, нам уже не пришлось затягивать переговоры: немцы затягивали сами... Им нужно было достигнуть законченного мира с Украиной, чтобы поставить ультиматум нам...»

VII съезде РКП(б), – что мы держимся до ультиматума немцев, после ультиматума мы сдаём». Поскольку Троцкий этого не отрицал, договорённость следует считать достоверным фактом. Однако, в любом случае, это были лишь устные пожелания. Формально же Совнарком никаких директивных указаний, кроме как продолжать затягивание переговоров, руководителю советской делегации не давал.

17 января возобновилась работа мирной конференции. 18 января председательствовавший на заседании Черни, прощупывая почву, спросил у Троцкого, признаёт ли он, что украинцы могут самостоятельно вести переговоры о своей границе? На этот раз Троцкий возражал категорически¹⁹⁶. Позже он заявил, что располагает сведениями о том, что Рада уже не контролирует Киев. «Решающая часть киевского гарнизона перешла на сторону Советской украинской власти, и вопрос о существовании Рады должен исчисляться очень короткими единицами времени»¹⁹⁷. Чернин предложил обмен мнениями прекратить, дожидаться возвращения украинской делегации и созвать пленарное заседание, на котором «киевские и петербургские представители могли совместно обсудить вопрос».

Сделать это было весьма затруднительно. Вслед за развитием военных действий и продвижением Муравьёва к Киеву разрыв советской делегации с «радовцами» резко углубился и

¹⁹⁶ Ещё ранее, едва лишь обозначилось успешное продвижение советских отрядов в глубь Украины, изменилась и позиция Совнаркома. Уже 13 января в «Правде» была опубликована заметка Сталина, в которой, в частности, говорилось: «Заявляю во всеуслышание, что:

1. Никаких переговоров с Киевской Радой Совет народных комиссаров не ведёт и вести не собирается.

2. С Киевской радой, окончательно связавшей себя с Калединым и ведущей изменнические переговоры с австро-германскими империалистами за спиной народов России, с такой Радой Совет народных комиссаров считает возможным вести лишь беспощадную борьбу до полной победы советов Украины.

3. Мир и успокоение на Украине может прийти лишь в результате полной ликвидации Киевской буржуазной Рады, в результате замены её новой, социалистической Радой советов, ядро которой уже образовалось в Харькове».

¹⁹⁷ Речь шла о телеграмме Н.А. Скрыпника, направленной в Петербург и Брест во второй половине дня 18 января, и в целом отражавшей ситуацию в Киеве на этот момент.

стал необратимым. 19 января делегаты Рады, прибыли, наконец, в Брест¹⁹⁸, где были проинформированы о происходящем оставшимся в городе делегатом Н.Г. Левицким. Открывая заседание, вновь назначенный глава украинской делегации А.А. Севрюк предъявил соответствующие документы, цитаты из которых неопровержимо свидетельствовали о противоречии сделанных накануне заявлений главы советской делегации с его же позицией признания, как правомочности киевской делегации, так и суверенитета УНР. Далее Севрюк напомнил, что статус Украины определяется не киевскими событиями, а статьями IV Универсала, провозгласившего отказ Центральной Рады от федеративного объединения с Россией и обратился к конференции с просьбой окончательно определить на основании предъявленной им ноты «международное положение Украинской республики».

Слово было предоставлено Медведеву¹⁹⁹, который заявил,

¹⁹⁸ На одной из станций делегаты Центральной Рады были задержаны для проверки красногвардейским патрулем. От больших неприятностей их спасло лишь созвучие аббревиатур «Генеральный» и «Народный секретариат». Название страны было и вовсе одинаковым – Украинская Народная Республика. Вовремя сориентировавшись, «радовцы» заявили красногвардейцам, что являются частью советской делегации, после чего и были пропущены.

¹⁹⁹ Помимо «радовцев», в Брест прибыли и представители ЦИК Ук. Делегаты, народный секретарь по военным делам большевик В.М. Шахрай и председатель Всеукраинского ЦИК левый эсер Е.Г. Медведев (в Брест должен был прибыть также и народный секретарь В.П. Затонский, но он остался в Петрограде в качестве представителя ЦИК Ук при Совнарком), сумели даже огласить декларацию, в которой было заявлено следующее: «...Генеральный Секретариат Центральной Украинской Рады ни в коем случае не может быть признан как представительство всего украинского народа... Все решения, принятые Генеральным Секретариатом без соглашения с нами, не будут признаны украинским народом, не могут быть осуществлены и ни в коем случае не будут проведены в жизнь. В полном согласии с Советом Народных Комиссаров, а, следовательно, с делегацией российского рабочего и крестьянского правительства мы в дальнейшем будем вести мирные переговоры с делегациями четверного союза в составе русской мирной делегации». В ответ Чернин поспешил заявить, что принимает сказанное к сведению, но 12 января на пленарном заседании Германия и Австро-Венгрия признали делегацию Центральной Рады самостоятельной и правомочной представлять на конференции УНР. «В настоящее время, – подчеркнул он, – мы вынуждены признать Украинскую Народную Республику как свободное суверенное государство, вполне правомочное вступать в международные сношения». Этим

что Центральная Рада повела переговоры тайно, «за спиной народа» и отдельно от советской делегации. Далее Медведев сделал то, на что не решались «радовцы». Он заявил, что Народный секретариат «стремится к созданию таких условий, при которых весь народ украинский, живущий на Украине, в Галиции, Буковине и Венгрии, независимо от разделяющих его ныне на части государственных границ, мог бы жить как одно целое». Этот демонстративный выпад непосредственным образом затрагивал национальные интересы и саму территориальную целостность Австро-Венгрии.

Выступавший вслед за ним Троцкий отметил, что не в интересах стран Четверного союза становиться третейским судьёй во внутренних противоречиях в России или Украине и что лучшим образом это проявилось при отказе представителей Центральных держав от немедленного признания УНР. Свою задачу Троцкий, по его словам, видел в том, чтобы информировать присутствующих о реальном положении дел в Украине, суть которого состояла, якобы, «в незавершённости, текучести процесса государственного становления Украины». Реальная власть принадлежала, на его взгляд, уже не Раде, а Народному секретариату. Этим Троцкий и обосновал свой отход от ранее занимаемых позиций. Он высказался в том смысле, что пока народ Украины не ставил под сомнение властные полномочия Рады, соответствующей линии придерживался и Совнарком. Но ситуация изменилась, народ высказался за Советы, и он, Троцкий, вынужден настаивать на признании суверенитета того правительства, которое пользуется поддержкой населения и осуществляет реальную власть. В заключение он заявил, что предлагал и предлагает киевлянам лишь согласовывать свои действия и что «обрести силу смогут только такие соглашения

давалось ясно понять: как бы ни развивались события, никакого иного правительства Украины, кроме Центральной Рады державы Четверного союза не признают.

«Положение украинской делегации в Бресте, – пишет Д. Эрцэ, – было самое незавидное. Она была допущена к работе по настоянию российской делегации, но немцы фактически её не признавали».

киевского правительства, которые получают признание харьковской делегации».

По свидетельству очевидцев, это было одно из лучших выступлений главы советской делегации. Взвешенное, выдержанное, почти без ставшего уже привычным революционного пафоса и должным образом аргументированное. Но изменить что-либо оно уже не могло.

«Я, – вспоминал Чернин, – просил украинцев открыто, наконец, высказать свою точку зрения петербуржцам и успех был даже слишком велик. Грубости, высказанные украинскими представителями петербуржским сегодня²⁰⁰, были просто комичными и доказали, какая пропасть отделяет оба правительства, и что не наша вина, если мы не можем заключить с ними одного договора. Троцкий был в столь подавленном состоянии, что вызывал сожаление. Совершенно бледный, с широко раскрытыми глазами, он нервно что-то рисовал на пропускной бумаге. Крупные капли пота текли с его лица. Он, по-видимому, глубоко ощущал унижение от оскорблений, наносимых ему его же согражданами в присутствии врагов...» Думается, дело тут было не только и не столько в ощущении наносимых оскорблений. Обладающий трезвым умом Троцкий отдавал себе отчёт в том, что ведёт последние арьергардные бои: самостоятельная линия поведения украинцев лишает его свободы манёвра и резко снижает шансы на благополучный исход. И раньше от советской делегации зависело далеко не всё. Теперь же дело явно приближалось к той черте, за которой от неё и вообще не будет что-либо зависеть²⁰¹.

²⁰⁰ Вспылив в какой-то момент, Троцкий бросил в ответ, что вся территория Рады в настоящий момент сводится к комнате, занимаемой украинской делегацией в Брест-Литовске.

²⁰¹ 21 января Троцкий попытался нарушить единство своих противников. На отдельном заседании с турецкой делегацией, посвящённой будущему миру на Кавказе, он стал отговаривать турок от подписания отдельного мира с Радой. «На Украине пала одна власть и возникла другая, – говорил он главе делегации. – Странно, что оттоманское правительство с этим не считается. Оно само вышло из недр революции. Разговаривать нужно именно с теми правительствами, которые существуют...» В ответ турки высказались в том смысле, что не понимают, «почему господин председатель русской делегации

Вечером того же дня Чернин в присутствии Кюльмана и Гофмана встретился с Севрюком и заявил, что «в связи с затруднительным положением украинского правительства» «радовцам» предлагается для ознакомления подготовленный проект мирного договора, который они должны подписать на следующий день. При этом Гофман добавил, что хорошо знает истинное положение вещей, и «если завтра договор не будет подписан, делегация может свободно возвращаться домой». Весь проект договора уместился на одном листке бумаги и состоял из трёх пунктов: констатации прекращения состояния войны; декларации о необходимости установления дипломатических и консульских отношений; обязательств правительства УНР поставить Центральным державам 1 млн тонн хлеба и иное продовольствие.

Севрюк заявил, что ответ будет дан на следующий день, и удалился. Связи, как с Петроградом, не исключено, по вине немцев, так и с Киевом не было. Любинский, посчитавший, что подобное отношение к украинской делегации оскорбительно, предложил выразить протест и грозить отъездом. Однако, катастрофическое развитие событий не позволяло уже становиться в позу. Все члены делегации, не откладывая дела в долгий ящик, приступили к подготовке собственного проекта договора, который и был готов к 6 утра 20 января²⁰². Чернин уже не настаивал на обязательном исполнении заявленных ранее условий и согласился рассмотреть предложения «радовцев».

Тем не менее январское восстание, быстрое продвижение к Киеву советских отрядов и неясность обстановки не могли не сказаться на ходе переговоров. Территория, контролируемая

придает такое большое значение вопросу об украинской делегации. Если верно, что она имеет своей опорой лишь Брест-Литовск, то вопрос этот разрешится сам собою... и не придется подписывать мира с этой делегацией...». Но обсуждать этот вопрос с одной турецкой делегацией, а не со всеми представителями Четверного союза недопустимо.

²⁰² «Я с удивлением наблюдал за молодыми украинцами, – писал позже Гофман. – Они прекрасно знали, что ничего не имеют за собой, кроме возможной немецкой помощи, что их правительство представляет собой фиктивное понятие. И всё же... в переговорах с Черниным они твёрдо держались своих ранее выставленных условий и не уступали ему ни на йоту».

Радой, сокращалась с каждым днём, и подписание договора с правительством, ни на что не влияющим и никакими ресурсами уже не располагающим, чревато было самыми непредсказуемыми последствиями. Предоставление же военной помощи, без которой Рада не смогла бы выполнить никаких принятых на себя обязательств, почти наверняка означало новый вооружённый конфликт.

Решение необходимо было принять как можно скорее, но дипломаты не имели необходимых для этого полномочий. Лишь высшая политическая власть могла взять подобную ответственность на себя. Теперь уже немцы запросили перерыва в заседаниях мирной конференции, который и был им предоставлен. 21 января Кюльман и Чернин выехали в Берлин. Там, на совместном совещании дипломатов и высшего военного руководства обсуждался вопрос о подписании мира с УНР. Определённые сомнения в его целесообразности высказал Чернин²⁰³. По его мнению, связывать себя обязательствами с правительством, во многом существующим лишь на бумаге, чревато было самыми непредсказуемыми последствиями. К тому же подобный акт, предусматривающий создание украинской автономии из Восточной Галиции и Буковины мог вызвать недовольство со стороны будущей Польши. Однако всё это были гипотетические предположения, а действительность заключалась в том, что Австро-Венгрия без украинского хлеба обойтись уже не могла. Представитель имперского командования прямо заявил: армия и страна обречены на голод.

Это обстоятельство перевесило все остальные, вместе взятые, и решено было, вне зависимости от происходящего в Украине, мирный договор с Радой подписать незамедлительно. При этом Людендорф официально потребовал от Кюльмана, чтобы

²⁰³ «В продолжение всего дня заседания, – вспоминал австрийский дипломат, – у меня было несколько острых столкновений с Людендорфом. Желанная ясность, если и не достигнута, то мы, во всяком случае, на пути к ней. Кроме выяснения тактики в Бресте идёт вопрос о том, чтобы, наконец, письменно установить, что мы обязаны сражаться только за сохранение довоенных границ Германии. Людендорф резко возражал и сказал: *«если Германия заключит мир без прибыли, то она проиграла войну...»*

в течение 24 часов после подписания мира с Украиной, им был предъявлен ультиматум советской делегации. Кюльман дал обещание это требование выполнить.

24 января Кюльман и Чернин вернулись в Брест-Литовск. На следующий день Чернин записал в своём дневнике: «...произошла моя беседа с Троцким... Я начал с того, что сказал Троцкому, что по моему впечатлению мы находимся накануне разрыва и возобновления войны; я хотел бы знать, прежде чем предпринять этот тяжкий по своим последствиям шаг, действительно ли это является совершенно неизбежным. Я поэтому прошу г-на Троцкого мне откровенно и ясно высказать те условия, которые он может принять. В ответ на это Троцкий очень откровенно и ясно заявил, что он отнюдь не столь наивен, как мы, по-видимому, это предполагаем, что он отлично знает, что сила является самым сильным аргументом, и что центральные державы могут отнять у России окраинные области... Германцы могут коротко и ясно заявить, каковы те границы, которые они требуют, тогда он установит перед всей Европой, что дело идёт о грубых аннексиях, но что Россия слишком слаба, чтобы сопротивляться... Вслед за этим, и это очень характерно, Троцкий заявил, что он никогда не согласится на то, что мы заключим мир с Украиной, так как Украина не находится больше в руках Рады, но в руках его войск. Украина является частью России, и заключение мира с нею означало бы вмешательство во внутренние дела России...

Пропала последняя надежда прийти к соглашению с Петербургом. В Берлине схвачен призыв петербургского правительства, в котором оно возбуждало германских солдат, призывало их к убийству императора и генералов и к братанию с советами. Вслед за этим пришла телеграмма от императора Вильгельма к Кюльману с приказом немедленно прервать переговоры и потребовать кроме Курляндии и Литвы также и не оккупированные области Лифляндии и Эстляндии, – не обращая внимания на право самоопределения народов.

Низость этих большевиков делает переговоры невозможными. Я не могу обвинять Германию в том, что она возмущается таким поведением; но приказ из Берлина всё же не может

быть исполнен. Мы не хотим увеличивать наши трудности ещё Лифляндией и Эстляндией».

25 января Троцкий намекнул, что при определённых условиях, в частности, при уходе немцев из Риги, подписание мира возможно. Впоследствии Кюльман и Чернин использовали эту вскользь брошенную фразу для реализации последней безуспешной попытки завершить дело миром²⁰⁴.

26 января Чернин оповестил Троцкого о том, что всё для подписания договора с «радовцами» готово. «Сегодня вечером должно состояться подписание мира с Украиной, – писал он в дневнике. – ...Но сидит ли Рада действительно в Киеве?.. Троцкий отклонил моё предложение послать в Киев австрийского офицера генерального штаба с тем, чтобы он нам принёс аутентические известия. Очевидно, что его утверждение, что большевики являются господами Украины, было только хитростью²⁰⁵. Кроме того, Грац²⁰⁶ сказал мне, что Троцкий, с которым он говорил сегодня утром, очень подавлен тем, что мы всё же... заключаем мир с Украиной. *Это укрепляет меня в решении подписать его.* Грац условился с петербуржцами устроить завтра заседание. На нём будет выяснено, возможно ли соглашение или неизбежен разрыв. *Во всяком случае, несомненно, что Брестское интермеццо большими шагами приближается к своему концу.*»

²⁰⁴ Создаётся впечатление, что как Чернин, так и Кюльман, считали достижение мира с Советами, заключённого без возобновления военных действий, делом своей чести и искренне полагали, что именно такой поворот событий лучше иных послужит интересам стран Четверного союза. Однако их усилия успехом не увенчались.

²⁰⁵ Когда 22 января связь с Киевом была восстановлена, оттуда с делегатами Рады говорил вновь назначенный премьер-министром Голубович. Это неопровержимо свидетельствовало о том, что город на тот момент находился в руках частей УНР. Видимо, поэтому Троцкий и возражал против поездки в Киев австрийского офицера. Существует версия, заключающаяся в том, что позже, когда занятие Киева войсками Муравьёва стало свершившимся фактом, Троцкий пытался уже сам инициировать подобную инспекцию. Предлагался, якобы, кружной маршрут по контролируемой советскими отрядами территории: Минск – Орша – Смоленск – Брянск – Ворожба – Конотоп – Бахмач – Киев. Однако даже если бы австрийцы и согласились, всё это требовало не малого времени, а его уже не оставалось.

²⁰⁶ Австрийский дипломат, помощник Чернина.

Дело, и так затянувшееся сверх всякой меры, действительно, шло к развязке, и 27 января был наконец подписан мирный договор Центральных держав с Радой. В основу его легли заявленные в самом начале украинской делегацией требования. В этом смысле, «радовцы» действительно не уступили ни на йоту. Австрийцы настояли лишь на том, чтобы будущее оформление Украинской автономии в пределах имперской территории была зафиксировано в секретном приложении. Со своей стороны немцы потребовали внесения непосредственно в текст договора обязательство УНР в обмен на военную помощь до 31 июля 1918 г. поставить Германии и Австро-Венгрии 1 миллион тонн хлеба, 400 миллионов штук яиц, до 50 тысяч тонн живого веса рогатого скота, сало, сахар, лён, пеньку, марганцевую руду и т.д.²⁰⁷.

В тот же день на заседании политической комиссии Чернин официально сообщил о подписании мирного договора с Украиной. Последовал резкий протест советской делегации и очередное напоминание Троцкого о том, что мир с эфемерным, никого не представляющим и никакой реальной властью не обладающим правительством не может быть правомочным. В ответ Чернин заявил: «Мы признали правительство Украинской рады, следовательно, для нас оно существует». Впрочем, австрийский дипломат тут же поспешил заверить Троцкого, что «этот договор не является недружелюбным актом по отношению к Советской России».

Едва лишь известие о заключении мира с Украиной достигло Берлина, Людендорф позвонил Кюльману и напомнил ему об обещании не позднее, чем через 24 часа поставить перед Троцким вопрос ребром и в случае, если он не будет решён, прервать переговоры с советской делегацией. В свою очередь и Гинденбург, ссылаясь на радиogramмы из Петрограда, призывающие немецких солдат к неповиновению, обратился к Вильгельму II

²⁰⁷ Жизнь диктовала свои условия, и, ещё две недели назад едва ли не обвинявшие Троцкого в предательстве союзников «радовцы», одним росчерком пера спасли Австро-Венгрию от катастрофы и бросили на чашу весов аргумент, позволивший Центральным державам вести военные действия ещё многие месяцы.

с требованием закончить переговоры. Такой приказ Кюльману был дан²⁰⁸, и проигнорировать его было невозможно.

Предъявленные Кюльманом советской делегации требования были высказаны в весьма корректной форме. Но, по сути, они, конечно же, являлись ультиматумом. «Наши предложения, – напоминал Кюльман, – известны уже давно, все связанные с ними вопросы подробно обсуждались, и, я полагаю, можно сказать с полным правом, что все возможные доводы подверглись всестороннему рассмотрению, и теперь настало время решений...»

Далее он озвучил предлагаемую немцами формулировку: «Россия принимает к сведению следующие территориальные изменения, вступающие в силу вместе с ратификацией этого мирного договора: области между границами Германии и Австро-Венгрии и линией, которая проходит...²⁰⁹ впредь не будут подлежать территориальному верховенству России. Из факта их принадлежности к бывшей Российской империи для них не будут вытекать никакие обязательства по отношению к России. Будущая судьба этих областей будет решаться в согласии с данными народами, а именно на основании тех соглашений, которые заключат с ними Германия и Австро-Венгрия». В заключении Кюльман подчеркнул, что принятие этих условий советской делегацией является «*condition sine qua non*²¹⁰». Ответ

²⁰⁸ «Сегодня большевистское правительство, – говорилось в направленной кайзером Вильгельмом II Кюльману и Гофману телеграмме, – обратилось клером по радио прямо к моим войскам и призвало их к восстанию и прямому неповиновению своим высшим военачальникам... Следует как можно скорее положить этому конец! Троцкий должен до 8 час. вечера завтрашнего дня... подписать без проволочек мир на наших условиях с немедленным отказом от Прибалтики до линии Нарва – Псков – Двинск без права на самоопределение и.т.д.... В случае отказа или попыток затяжки и проволочек и прочих отговорок в 8 час. вечера... прекращаются переговоры, прекращается перемирие; войска Восточного фронта... выдвигаются на предписанную линию...»

²⁰⁹ Речь идёт о линии на карте, представленной генералом Гофманом ещё 5 января и соответствующей продвижению и занимаемым позициям германских войск. Об обязательном уходе русских войск из ещё не занятых немцами областей Лифляндии и Эстонии Кюльман не упомянул. Он всё ещё надеялся заключить мир.

²¹⁰ Абсолютно обязательным.

надлежало дать в течение суток. В противном случае переговоры прерывались.

Терпение дипломатов Центральных держав оказалось поистине безграничным. 28 января начала работать вновь созданная военная подкомиссия, которая, как добросовестно докладывал вскоре Бонч-Бруевичу капитан Липский, соглашения по вопросам о приемлемости предложенной Германией границы не достигла. Вопрос передавался в политическую комиссию, которая должна была приступить к его рассмотрению в 17 час. 30 мин.

А часом ранее Кюльман предпринял последнюю попытку прийти к приемлемому компромиссу и всё же подписать мирный договор с Советской Россией²¹¹. Она, как и все предыдущие, также закончилась неудачей.

Вероятно, Троцкий всё же запросил Петроград о дальнейших действиях. Во всяком случае, он в тот же день, до начала работы комиссии за подписью Ленина и Сталина получил телеграмму следующего содержания: «Повторяем ещё раз, что от Киевской Рады ничего не осталось и что немцы вынуждены будут признать факт, если они ещё не признали его...» По главному вопросу, принимать или нет предложенные условия, говорилось следующее: «Наша точка зрения Вам известна; она только укрепилась за последнее время и особенно после письма Иоффе²¹²». Расплывчатость «указаний» не может не вызвать

²¹¹ По свидетельству Ирины Михутиной был произведён зондаж, не согласится ли глава советской делегации подписать мирный договор при условии очищения немцами Риги и прилегающих островов. «После некоторого размышления» Троцкий от этого предложения, якобы, отказался.

Следует, впрочем, заметить, что этот эпизод не может быть принят, как абсолютно достоверный, так как ссылки на него носят косвенный характер, а документального подтверждения нет.

²¹² Советская делегация имела в Бресте доступ ко всем ведущим печатным источникам, из которых следовало, что революционные выступления в Австро-Венгрии, тем более, в Германии практически иссякли. Об этом Иоффе поспешил информировать Смольный. 9 января также и Карахан сообщал по прямому проводу: «Германские события нашей прессой невозможно преувеличиваются. Революции в Германии нет. Есть лишь крупный поворот, сдвиг, начало начала революции и только. Преувеличенные надежды и ожидания опасны. Наша пресса переоценивает происходящее».

удивления. Вместо того чтобы дать прямую, обязательную для исполнения директиву, немедленно подписать мир, глава Советского правительства ограничился ни к чему не обязывающим, до предела сжатым, скорее даже консультационным посланием. Телеграмма не носила даже и рекомендательного характера.

И думается, это не было случайностью. Ленин вовсе не был уверен, что его точка зрения будет в итоге поддержана большинством соратников. Скорее – наоборот. И даже, если Владимир Ильич и решил, что тот момент, когда затягивать далее уже опасно и необходимо «сдавать», наступил, это ничего не меняло²¹³. Сам характер принятия решений, установившийся в партии и в СНК, был таковым, что субъективное мнение главы советского государства не становилось автоматически руководством к действию. По существу, единой согласованной линии поведения даже и в этот судьбоносный период, когда само существование Советской власти могло быть поставлено под сомнение, выработано не было. Так или иначе, но окончательное решение, желал он этого или нет, оставалось за Троцким.

Вариантов было два. Подписать мирный договор, либо прервать переговоры. Теперь уже оба они, снимая ряд вопросов, тут же влекли за собой появление новых, не менее значимых.

Прими Троцкий предложенные условия, это скорее бы обезопасило Советскую Россию от немецкого вторжения, но лишь по линии противостояния от Балтики до Бреста. Что касается Украины, то нетрудно было догадаться, что немцы окажут Центральной Раде военную помощь. Выполнить условия договора и обеспечить недавних противников продовольствием Генеральный секретариат мог, лишь контролируя украинскую территорию, добиться чего без германских штыков было невозможно. К тому же, подписывая договор, Троцкий признавал личное поражение, скорее даже, подтверждал свою некомпе-

²¹³ Не исключено, впрочем, что и Ленин вовсе не горел желанием связывать своё имя с «похабным» миром и, не отдавая директивных распоряжений, тем самым вынуждал Троцкого взять ответственность на себя.

тентность. Его эрудиция, прозорливость и удачливость ставились под сомнение, а теоретические разработки могли теперь быть восприняты, как несостоятельные. Передать врагу в какой-то степени и от своего имени немалую часть веками собираемых российских территорий Троцкому по понятным причинам улыбалось меньше всего.

Напротив, отказавшись подписать договор, Троцкий сохранял лицо и репутацию, подтверждал реальность ранее занятой позиции, но угроза вторжения, воспринимаемая многими только лишь как гипотетическая, сразу же приобретала вполне реальные очертания. Развал крестьянской армии, которая пошла за большевиками, во всяком случае, не пошла против, только лишь потому, что ей был обещан мир, и сам по себе не сулил правящим партиям ничего хорошего. Отказ от этого обещания и возобновление военных действий неизбежно вели к катастрофе.

Взвесив всё и посчитав, что если уж военные действия возобновятся, то протяжённость фронта принципиального значения иметь не будет, Троцкий выбрал второе. Когда ему напомнили о том, что ответ должен быть дан немедленно, глава советской делегации заявил следующее: «Именем СНК Правительство РСФСР настоящим доводит до сведения правительств народов воюющих с нами, союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, с своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращённым. Российским войскам одновременно отдаётся приказ о полной демобилизации по всему фронту».

Этой декларацией предполагалось убить сразу двух зайцев. Не связывать себя какими бы то ни было обязательствами и, в то же время, предотвратить, насколько возможно, германское вторжение. Троцкий, как много позже и злейший его враг, воспользовался весьма сомнительным приёмом. Посчитав, что на возобновление военных действий с Россией в условиях приближающейся развязки на Западе немцы ни в коем случае не пойдут, он поспешил уверить германское командование, что

за свой тыл они могут более не опасаться. Отдавая распоряжение о демобилизации армии, Троцкий, по существу, доводил до сведения противника следующее: «В силу ряда причин мирный договор, отторгающий от России часть её территории, мы подписывать не станем. Вместе с тем, мы понимаем вашу обеспокоенность и даём гарантии того, что удара в спину не последует, не на словах, а на деле. Мы распускаем армию, и теперь, нанести такой удар просто не в состоянии. В возобновлении военных действий ни мы, ни вы не заинтересованы. Пусть всё остаётся, как есть».

Оценка деятельности Троцкого на переговорах в Бресте, в зависимости от личного отношения к нему исследователей, варьировалась и варьируется в самом широком спектре. От обвинения в полной некомпетентности и утверждения, что именно Троцкий допустил роковые ошибки, закончившиеся катастрофой. До прямо противоположного утверждения, будто бы Троцкий был демонической личностью, едва ли не в одиночку определял политику Советского государства, держал все нити в своих руках и ради одного лишь честолюбия, ради того, чтобы хотя бы месяц «побыть примадонной» перед самой широкой аудиторией, на которую он мог рассчитывать, успевал интриговать везде и всюду.

Как известно, истина в большинстве случаев располагается между двумя крайностями, ближе к середине. И если беспристрастно и объективно следовать признанным фактам, если прислушаться к комментариям очевидцев и непосредственных участников событий, вырисовывается следующее.

При всём том, что Троцкий, прирождённый оратор и во многом митинговый революционер, был не чужд позе, это был человек дела. Отсутствие какого-либо опыта на дипломатическом поприще с лихвой компенсировалось у него умением мгновенно ориентироваться в обстановке и принимать решения. Немаловажное значение играло и искусство полемиста. Но главное, Троцкий не боялся брать на себя инициативу и принимать решения. При этом обладал твёрдым ха-

рактером и принятые однажды решения отстаивал до конца.

Вне всякого сомнения, Троцкий вёл и свою игру и действовал таким образом, чтобы упрочить своё положение и авторитет в партии. Болезненное самолюбие зачастую подводило его, а уверенность в себе слишком уж часто переходила в самоуверенность²¹⁴, что, в конечном счёте, его и погубило...

И всё же Троцкий, думается, был не худшим руководителем делегации²¹⁵. Уже одно то, что он был принят блестящими европейскими дипломатами, как равный, заслужил их несомненное уважение, говорит о многом. За всё время переговоров ни один из них не высказал ни малейшего сомнения в компетенции Троцкого. Напротив, все подчёркивали целеустремлённость, эрудицию и острый ум этого неординарного человека. Троцкий являлся врагом, не считаться с которым было невозможно. Непререкаемым авторитетом пользовался он среди представителей советской делегации²¹⁶.

Троцкий, конечно же, в немалой степени повлиял на занятую Совнаркомом, едва ли не изначально проигрышную и далёкую от реалий позицию. Но решение было коллегиальным, и

²¹⁴ Я не раз замечал, – пишет Ж. Садуль, – что люди, подобные Троцкому, обладают страшной силой самовнушения...»

²¹⁵ Да других и не было. Использовать дипломатов старой школы при установке, с одной стороны, добиваться мира с немцами, но с другой, тут же, за их спиной, провоцировать революционные выступления в Вене и Берлине, было невозможно. Подготовленных людей в Советском правительстве почти не было. Но даже и они, в большинстве своём, не осознали, что более не являлись теоретиками партии, а взвалили на свои плечи ответственность за судьбу огромного, переживающего военную и экономическую катастрофу государства. Попади в Брест кто-либо из «левых коммунистов», переговоры могли бы прерваться, едва начавшись. Весьма вероятно, что очень скоро вслед за ними прервалось бы и пребывание большевиков у власти...

²¹⁶ Заслуживает внимания эпизод, которому Чернин в своём дневнике посвятил следующую запись: «...Генерал Гофман предоставил русским автомобиль, они пользовались им для прогулок; на этот раз автомобиль не был своевременно подан. Радек устроил шофёру грубую сцену, последний пожаловался и Гофман взял шофёра под своё покровительство. Троцкий, по видимому, признал точку зрения Гофмана правильной и вообще запретил всей делегации катание. Они получили своё, получили по заслугам.

Никто не пикнул. Они вообще все трепещут перед Троцким, и на заседаниях в присутствии Троцкого никто не смеет рта раскрыть».

Троцкий добросовестно ему следовал. Не следует также забывать, что сама линия Совнаркома по отношению к переговорам вплоть до того момента, пока события не приняли угрожающий характер, была, если и не совершенно неопределённой, то весьма расплывчатой.

Троцкий, беспокоясь, прежде всего о том, чтобы не потерять лицо, как мог, отстаивал интересы Советского правительства, с которым связал свою жизнь, и из всех вариантов действий старался выбрать оптимальный. Он с воодушевлением и определёнными ожиданиями воспринимал известия о продвижении советских отрядов к Киеву, но не Троцкий отдал приказ Муравьёву наступать на Полтаву. Не Троцкий, во всяком случае, не он один, превратил «недоразумения» с Радой в открытое вооружённое столкновение, которое, несмотря на все начальные успехи, в конечном итоге и предопределило провал переговоров.

Позиция Троцкого: не подписывать ни в коем случае аннексионистский мир, также не представляется чистой авантюрой. Не стоит забывать, что Вена к концу переговоров находилась на грани голода. И если немцам удалось совладать с начавшимися было антивоенными выступлениями, то, продлись переговоры ещё две-три недели, весьма вероятно, с подобным же кризисом могли не справиться австрийцы. Нетрудно предположить, что случись катастрофа, Австро-Венгрия либо принудила Германию пойти на уступки, либо даже вынуждена была пойти на заключение сепаратного мира. И в том, и в другом случае, немцы, конечно же, не ушли из Прибалтики и Польши, но, почти наверняка согласились признать суверенитет России над этими территориями и приняли бы на себя обязательство рано или поздно их очистить.

Троцкий, изначально имевший не лучшую раздачу, вынужден был блефовать. Но делал это столь мастерски, что временами казалось, он сумеет выпутаться. Однако когда в итоге пришлось выкладывать карты на стол, козырей на руках у него уже не оставалось. Признать же свой личный провал, а также и свя-

зать своё имя с подписанием договора, отторгающим от России немалые территории, Троцкий не пожелал. Он встал из-за стола и обнул все результаты.

Видимо, Троцкий и сам понимал, что ситуация изменилась, и не в лучшую сторону. Верный себе, он, как мог, пытался сохранить лицо, подчеркнуть, что диктовать условия он и теперь никому не позволит и в очередной раз напомнить немцам, что Четверному союзу мир нужен никак не меньше, чем Советской России. В его представлении лучшим выходом был немедленный отъезд советской делегации. Во всяком случае, у современников создалось впечатление, что глава советской делегации после своего заявления делал всё возможное, чтобы свернуть контакты и поскорее покинуть Брест-Литовск.

Кюльман, которого, как и многих других, декларация Троцкого повергла в шок, в ответном слове заметил, что военные действия приостановлены на основании договора о перемирии, и прекращение переговоров автоматически влечёт за собой отмену этого договора со всеми вытекающими последствиями, вне зависимости от того, что «одна из сторон демобилизует армию». Более того, им было предложено на следующий день обсудить создавшуюся ситуацию на пленарном заседании.

На это Троцкий ответил отказом. Больше занятый подготовкой к отъезду, он заявил, что возможность дальнейших контактов всё же не исключает и предложил осуществлять их по радио, либо через находившуюся в Петрограде делегацию Четверного союза по делам военнопленных. Думается, на то, что немцы вынуждены будут пойти на уступки и станут инициаторами возобновления переговоров, Троцкий всё же надеялся. И вовсе не случайно в Бресте в каче-

А.А. Самойло

стве председателя комиссии по перемирию был оставлен им А.А. Самойло²¹⁷.

В ночь с 28 на 29 января советская делегация покинула Брест-Литовск. Вслед за ней и остальные делегации разъехались вскоре по своим странам²¹⁸. Мирная конференция свою

²¹⁷ 1(14) февраля после обеда в офицерском собрании к Самойло в сопровождении начальника оперативного отделения подошёл Гофман и заявил следующее: «Троцкий объявил: ни война, ни мир. Поэтому отпадает необходимость и в перемирии, и в вашем присутствии в Бресте. Завтра в десять часов я предоставляю в ваше распоряжение экстренный поезд, который и доставит вас к нейтральной полосе между фронтами». Любопытно, что на следующий день для двух пассажиров (Самойло и «юзиста») педантичные немцы подали поезд из четырёх вагонов. Более того, Гофман позаботился о том, чтобы ранее сделанный генералом заказ на пошивку брюк, был выполнен портным за ночь. Высаженные у нейтральной полосы, Самойло с телеграфистом не без труда протаскивали до русских окопов громоздкий аппарат Юза. Отсюда генерал был доставлен к ближайшей станции.

«В Минск я приехал утром 17 февраля (н. ст.), – вспоминал Самойло, – и прямо направился к главнокомандующему Мясникову. Он, подробно выслушав мой доклад, в котором я не преминул заявить о готовящемся немецком наступлении, резко и категорически отвергнул эту мысль (очевидно, смешав два понятия: нежелательность и невозможность!)...

Вечером я вышел погулять в город и первое, что привлекло моё внимание, было большое объявление Мясникова примерно такого содержания: «...Расходятся неблагоприятные слухи о возможном наступлении немцев. Предупреждаю, что впредь буду привлекать к строжайшей ответственности, вплоть до предания военному суду, лиц, распространяющих эти слухи».

Прочитав это объявление, я до самого утра был в недоумении, отнести ли эту угрозу к Гофману или лично к себе.

Утром, приняв меня в своём кабинете, Мясников с усмешкой задал мне вопрос, продолжаю ли я держаться своего мнения о возможности наступления немцев. Не успел я ответить, что это не моё мнение, а явные намерения немцев, как раздался звонок телефона. Мясников взял трубку и, выслушав какое-то сообщение, сказал: «Вы правы: немцы перешли в наступление. Срочно поезжайте в Москву».

В Москву я выехал в тот же вечер...»

²¹⁸ Лишь украинцы задержались в Бресте. Им необходимо было разрешить вопрос об оказании УНР военной помощи. Между тем, положение Рады оставалось катастрофическим. Генеральный секретариат не смог надолго задержаться в Житомире. И дело было не только и не столько в приближавшихся с юга и востока советских отрядов. Городская дума вынесла постановление, в котором Украинскому правительству предлагалось уехать *куда-нибудь* из Житомира, дабы не подвергать город и население артиллерийскому обстрелу. Оставшиеся министры и депутаты вынуждены были перебраться сначала

работу завершила. Но события, как вскоре выяснилось, только лишь набирали ход.

Развитая интуиция и, как представлялось Троцкому, здравый смысл на этот раз его подвели. Троцкий не был профессиональным дипломатом. Справедливо рассудив, что страны Четверного союза в возобновлении военных действий с Россией заинтересованы меньше всего, он не учёл другого. При всём том, немцы не могли допустить, чтобы в момент, когда на Западе будет решаться исход войны, их успехи и продвижение на Восточном фронте останутся юридически непризнанными и незафиксированными, и сам фронт, пусть и формально, продолжит

в Коростень, а затем, – в Сарны, где 30–31 января они официально признали необходимость получения военной помощи.

В этих условиях выехавшие в Вену Севрюк и Левицкий пошли на ряд уступок. В то же время, остававшийся в Бресте Любинский подписал по его словам подготовленное Гофманом «обращение украинцев к немецкому народу за помощью против большевиков», которое, по сути, предоставляло германской военной администрации на Украине неограниченные полномочия.

Правительство Центральной Рады, оторванное от крупных населённых пунктов и средств связи, долгое время относительно происходящего оставалось в полном неведении. Весьма значимые внешнеполитические вопросы продолжала на свой страх и риск решать украинская делегация в Брест-Литовске. Лишь 14(27) февраля народные депутаты, местом нахождения которых продолжал оставаться эшелон, курсировавший от станции к станции на Волыни, получили от Севрюка телеграмму, в которой, помимо подтверждения разворачивающегося германского наступления, им предлагалось выработать условия мирного договора с Советской Россией. Люди, которые считали себя политическими трупами и лишь недавно озбоченные тем, как бы избежать захвата правительственного эшелона, из одной крайности тут же кинулись в другую. Территория УНР, определённая III и IV Универсалами, их уже не устраивала. Теперь предлагалось помимо прочего включить в состав будущей Украины «часть Кубани, часть Ростовского округа, Таганрогский округ, Черноморскую и Ставропольскую губернии, Путивльский уезд Курской губернии, четыре уезда Воронежской губернии, украинскую колонию в Сибири – Зелёный клин на Амуре». В соответствии с их непомерно возросшими вдруг амбициями и аппетитами Крым должен был оставаться под украинским влиянием, а весь находящийся на Чёрном море военный и торговый флот объявлялся принадлежавшим только Украине.

Следует признать, что вызванная продвижением германских дивизий эйфория, вряд ли способствовала проявлению ими здравого смысла и политической дальновидности.

своё существование, нависая и впредь над ослабленным тылом германской армии²¹⁹.

31 января в Гомбурге состоялось совещание, на котором присутствовали император Вильгельм II, имперский канцлер Гертлинг, вице-канцлер, Кюльман и представители германского командования. Людендорф высказал позицию военных, которая заключалась в том, чтобы перемирие прервать²²⁰. Кюльман возражал, но его точка зрения во внимание принята

²¹⁹ Людендорф приводит и ещё одно достаточно веское соображение. «...когда война приближалась к решительному моменту, – пишет он, – то ни время, ни место, ни партнёры в Бресте не являлись подходящими... Что могли подумать государственные люди Антанты об испытываемой нами необходимости заключить мир, если мы выносили подобное обхождение с нами Троцкого и не признанного ни одной страной большевистского правительства! Это могло лишь чрезвычайно усилить решимость правительств и народов Антанты. Как должен был мир быть необходим Германии, если она буквально шла в хвосте за большевиками и терпела их пропаганду, которая была явно направлена против германской армии!»

²²⁰ «При том распространении, которое имел большевизм, – вспоминал позже Людендорф, – заключённый нами с Украиной мир являлся весьма шатким. Ввиду этого, представители четверного союза при подписании его исходили из соображения, что если мы не хотим, чтобы мир с Украиной превратился в мировой фарс и надувательство, и желаем получить оттуда хлеб, то мы должны оказать ей военную помощь.

Чтобы воспрепятствовать самим большевикам образовать новый восточный фронт, мы должны были нанести короткий, но сильный удар расположенным против нас русским войскам, который позволил бы нам при этом захватить большое количество военного снаряжения. Дальнейшее развитие операций на востоке не имело в виду на ближайшее время.

На Украине надо было подавлять большевизм, и создать там такие условия, чтобы иметь возможность извлекать из нее военные выгоды и вывозить хлеб и сырье. Для этого мы должны были сильно углубиться в страну; другого выхода для нас не оставалось...

Я высказал мысль, что с большевистскими вождями вообще не удастся заключить честный мир, и что уже, во всяком случае, они, как работали, так и будут продолжать работать над подготовкой революции в Германии. Эту опасность недооценить мы не могли. Мы могли бороться с большевизмом лишь путём устройства сплошного заграждения впереди границы. Конечно, растяжка заградительной линии до Ботнического залива представляется невыгодной. Но линия Двинск – Рижский залив требовала не многим меньше войск, чем линия Двинск – Чудское озеро – Финский залив, благодаря большим озерам. Всякая промежуточная линия вызвала бы ещё больший расход войск. Вопрос заключался не в развитии беспредельной военной операции, а в проведении территориально-ограниченных мероприятий»

не была. В результате было решено возобновить военные действия, занять оставшуюся часть Прибалтики, вплоть до Нарвы, оказать военную помощь Финляндии и Раде, подавив при этом большевизм на всей территории Украины. Решено было считать, что декларация Троцкого и срыв переговоров автоматически влекут за собой также и прекращение перемирия²²¹.

3(16) февраля 1918 г. германское командование официально известило советскую сторону, что с 5(18) февраля Германия и Россия вновь будут находиться в состоянии войны, и в 12 часов дня германские войска возобновят военные действия против Русской армии²²².

8.3.6. Псковско-Нарвские бои

В 22.15 28 января перед отъездом из Брест-Литовска Троцкий направил в Петроград телеграмму следующего содержания: «Председателю Совнаркома Ленину. Переговоры закончились. Сегодня после окончательного выяснения неприемлемости Австро-Германских условий наша делегация заявила, что выходит из империалистической войны, демобилизует свою армию и отказывается подписать аннексионистский договор.

²²¹ В соответствии с ранее принятыми договорённостями стороны взяли на себя обязательства предупредить друг друга о возобновлении военных действий за 7 дней после разрыва. Таким образом, в Германии посчитали, что сам разрыв был зафиксирован не позднее 28 января, и, соответственно, с 5(18) февраля у военных были развязаны руки. Всё это представляется, по меньшей мере, спорным, но всё, разумеется, решало соотношение сил. Удивляет, что вопросу соблюдения дипломатических формальностей на совещании в Гомбурге вообще уделялось внимание. Немцы традиционно оставались педантичными.

²²² Любопытно, что в Петрограде не сразу этому поверили. 4(17) февраля Троцкий, вновь предвосхищая ровно ту же реакцию и те же действия Сталина, направил в Берлин, Вену и Брест-Литовск радиogramму следующего содержания: «Нами получено сообщение от господина Самойло, будто генерал Гофман заявил 16 февраля, что с 18 февраля в 12 часов дня между Германией и Россией возобновляется состояние войны. Правительство Российской Республики предполагает, что полученная нами телеграмма не исходит от тех лиц, которыми подписана, а имеет провокационный характер, так как даже если допустить прекращение перемирия со стороны Германии, то предупреждение об этом... должно быть сделано за семь дней, а не за два дня...»

Однако, в ответной телеграмме, направленной в Совнарком, Гофман своё уведомление подтвердил.